**Роль идей в социальных преобразованиях:
поиск новых гносеометодологических оснований
(методология к исследованию, часть 1)**

Н. Н. Равочкин

Кузбасская государственная сельскохозяйственная академия, г. Кемерово, Россия

nickravochkin@mail.ru

Автор обращается к акторно-сетевой теории, чтобы разработать синтетическую концепцию для исследования роли и значения идей, в целях нового понимания материального и идеального. Рассматривая идеи как детерминанты социальных преобразований с методологической позиции, автор устанавливает связь между социальными изменениями и интеллектуальными основаниями. В результате репрезентации подходов к сущности модернизации автор делает вывод о необходимости поиска и соединения различных исследовательских позиций, осознания полноты и вариативности акторов для создания новых гносеометодологических оснований.

Ключевые слова: идеи; социум; социальная реальность; концепция; гносеометодологические основания; акторно-сетевая теория; материальное; идеальное; модернизация; актор; актант.

**The Role of Ideas in Social Change:
the Search for New Gnosio-Methodological Reason
(Methodology for the Study, Part 1)**

N. N. Ravochkin

Kuzbass State Agricultural Academy, Kemerovo, Russia

nickravochkin@mail.ru

The author turns to the actor-network theory to develop a synthetic concept for the study of the role and meaning of ideas, for purposes of new understanding of the material and the ideal. Considering ideas as determinants of social transformations from the methodological standpoint, the author establishes a connection between social changes and intellectual grounds. As a result of the representation of approaches to the essence of modernization, the author makes the conclusion about the necessity of search and combination of different research positions, awareness of the fullness and variety of actors to create new gnosio-methodological grounds.

Keywords: ideas; society; social reality; concept; gnosio-methodological grounds; actor-network theory; material; ideal; modernization; actor; actant.

Принимая во внимание факт, что идеи, зародившиеся в глубокой древности, на протяжении длительного периода оказывают

влияние на развитие общественной и научной мысли, воплощаясь в создании и (или) оптимизации тех или иных социальных

практик, институтов, считаем целесообразным рассмотреть с различных исследовательских позиций примеры таких перемен.

Итак, тезисы о тесной взаимосвязи между идеями как философскими основаниями и социальным устройством впервые формулируются в Античности, позволяя постичь логику социального развития на примере разных исторических периодов. В последующем преодоление идеализма Средневековья приводит к возрожденческому антропоцентризму, а начиная с Нового времени формирование философских идей становления государства и его базовых институтов однозначно расценивается как поступательно-эволюционное [1]. Капиталистический способ производства, безусловно, более производительный, чем феодальный, а быстрые темпы развития науки и техники нововременной Европы порождают веру в безграничный прогресс человека, общества и государства, формируя восприятие «сакральности научного проникновения в действительность» [2, с. 7].

Рассматривая общество через призму социальной онтологии, мы интерпретируем его как способ бытия человека. При этом в одном аспекте интерпретации социум для нас есть следствие — субъективная форма человеческого существования, — причина которой лежит на поверхности — это полная зависимость от социума. В другом аспекте мы определяем общество как особый вид материи, причем наиболее адекватным считаем понимание его как конкретной разновидности реальности [1]. В этом наша позиция совпадает с мнением Е. И. Балдицыной в той части, что «природа общественной жизни двояка, так как, с одной стороны, большинство обществ является результатом сознательного социального строительства, с другой — любое общество представляет собой вид объективной реальности, то есть, возникает и функционирует независимо от воли и сознания людей» [3, с. 166].

Отсюда заключаем, что любые социальные перемены эволюционного или революционного содержания имеют под собой конкретные интеллектуальные основания.

Отображение предельного и фундаментального характера социальных перемен актуализирует обращение к философским подходам. Современной философии с множеством неклассических методологических парадигм свойственны плюрализм и полифундаментальность. Ранее мы указывали, что «в своем современном приложении уровень философского миропостижения позволяет обнаружить множественные способы воздействия философских оснований на социальные реалии, создавая новые и, в то же время, изменяя его имеющиеся основания» [1, с. 98]. Итак, философские идеи представляются нам основаниями социальной реальности, которая требует теоретического осмысления для понимания тех или иных процессов и состояний в различных обществах.

Начиная со второй половины XIX в., философский анализ общества принимает во внимание единство процессов социальной статики и динамики (О. Конт). Динамика определяется как «переход из потенциального состояния в актуальное, а также детерминация частных событийных рядов логикой развития общих состояний социального целого» [3, с. 168]. Именно производным динамики оказывается все множество преобразований социального порядка [4]. Фундамент процессов социальной динамики разнообразен: в качестве источников, движущих сил выступают категории глобализации, модернизации, общественного прогресса, революции, реформирования [5].

В стремлении постичь социальную реальность философия нередко обращается к проблеме модернизации, задаваясь соответствующими вопросами: какова сущность модернизации и насколько модернизация необходима для конкретного общества? Первое отчетливое проявление интеллектуальных оснований модернизации мы обнаруживаем в философских концепциях эпохи Просвещения. Идеальная обусловленность модернизационных операций предполагает исследовательские подходы к модернизации, по-разному интерпретирующие ее сущность. Так называемый эволюционный

подход отражает приоритетный для развития общественных структур характер одноименных процессов. Ряд исследователей указывают на эволюционное и функциональное развитие всех сторон общества. В рамках этого подхода акцент делается на экономическом развитии общества, а одним из результатов может быть индивидуализация «социальной ткани»¹. Практическое воплощение социально-философских концепций обусловлено их влиянием на социально-экономические процессы в Европе и США XIX в., в результате которого не только стала заметной взаимосвязь развития всех сфер социума, но и появился «праздник класс» (Т. Веблен).

Второй подход определяется как «реляционный» и проявляется в наличии «целенаправленных попыток, осуществляемых либо большинством населения, либо элитой для того, чтобы превзойти современные стандарты» [6, с. 39]. Однако эти стандарты вследствие своей темпоральной природы варьируются. Временные точки модернизации не закрепляются в обществах раз и навсегда, но выступают в динамике, изменяя пространственно-территориальные характеристики.

Третьим подходом, раскрывающим смысл модернизации, полагаем так называемое зависимое развитие, общие черты которого обнаруживаются у диффузионистов. Наиболее яркими примерами представляются нам взаимодействия между обществами разного уровня развития, способствующие обогащению обществ с более развитой формой организации за счет рационального — с позиции собственной заинтересованности — перераспределения благ и услуг. Такое «притяжение» значительного объема ресурсов связано, на наш взгляд, с наличием, например, у государства более привлекательных условий социального бытия в сравнении с менее развитыми общественными образованиями.

Также считаем необходимым обратить внимание на четвертый, («догоняющий») подход, стратегия которого состоит

в стремлении отстающих государств догнать более развитые, а тактика — в «слепом переносе» различных практик, как правило, не учитывающем национально-региональную специфику [6].

Даже такой краткий анализ подходов к выявлению сущности модернизации и предполагаемого государственного устройства позволяет сделать вывод, что сегодня витальным основанием усовершенствования общества является факт формирования новой структуры мирового порядка. Так, с позиции мир-системного анализа это — ядро, периферия и полупериферия — государства, определяющие мировое развитие [7]. Именно здесь возникает философская проблема «Другого», реализуемая на различных уровнях. Также ранее мы писали, что валлерстайновские идеи поднимают вопрос о безопасности «конкретного общества, поскольку “периферия” по причине своей неразвитости может впасть в существенную зависимость некоторого плана (экономического, политического, социального и даже духовного) от более развитых обществ» [6, с. 40]. Тем самым значимость выбора способов модернизационных преобразований детерминирует формирование сильного общества, что в условиях изменяющегося мира и перманентного появления новых вызовов указывает на необходимость рассмотрения философских проектов политико-правовых преобразований посредством пересмотра содержания классических теорий, через создание теоретических модификаций с привязкой к контексту.

В продолжение рассуждения, систематизировав философские идеи Просвещения в приложении к современным концепциям социального совершенствования, предлагаем вернуться к XIX столетию. В это время у многих ученых появляются сомнения в отношении прогрессивности идей социального устройства. Очевидными стали многочисленные проблемные аспекты капиталистического общества, которое не способно в полной мере обеспечить

¹ Для Г. Зиммеля, немецкого философа и социолога, общество — социальная ткань, сотканная из неисчислимых взаимодействий.

социальный прогресс. Например, реализация известных идей Робеспьера, обозначенных лозунгом «Свобода, равенство, братство», привела к абсолютному обнищанию людей, непрерывным экономическим кризисам, росту безработицы и другим негативным последствиям, способствующим росту социальной напряженности, преимущественно на европейском континенте [8].

В попытках найти объяснение этому П. Лафарг отмечает следующее: «...Идеи прогресса и эволюции имели чрезвычайный успех в течение первых лет XIX века, когда буржуазия еще была опьянена своей политической победой и поразительным ростом своих экономических богатств, философы, историки, моралисты, политики, беллетристы и поэты подавали свои писания и речи под соусом прогрессивного развития... Но к середине XIX века им пришлось умерить свой безудержный энтузиазм» [9, с. 24].

Современные социальные реалии задают такие векторы социальным процессам, которые приводят к новым вызовам и угрозам, к невозможности далее применять приведенное выше одностороннее понимание влияния философских идей и определять их роль через классический детерминизм — за счет сложности социальных процессов. Очевидно следующее: система социальных взаимоотношений между акторами, как правило, определяется, фиксируется как усложняющаяся и многовариантная, а также противоречивая. Сегодня процессы социального развития требуют использования таких подходов, которые рассматривают появление новых институций и практик в корреляции с генезисом новых философских идей. Так или иначе, многовекторность социального развития современного общества диктует создание идейных модификаций и конфигураций. В нашем исследовании это будет играть также инструментальную функцию: посредством многомерной методологии легко понять логику институциональных перемен.

Следствием осознания невозможности применения существующих подходов к выявлению значения идей для социального

развития явились новые философские концепции. Одной из первых претендовала на новое качество объяснения идеального и реального, духовного и материального акторно-сетевая теория (*ANT*), получившая свое обоснование в трудах Б. Латура и М. Каллона. Изначально теория возникла в области исследований науки и технологий, что в некоторой степени обусловило процессы переосмысления материального и идеального в социально-гуманитарном дискурсе и привело к возвращению материального в область научного поиска. В результате экспериментов по изучению науки методом интерпретации стало очевидным, что исследуемые объекты гораздо сложнее и многообразнее всех социальных описаний, которые со времен Платона базировались на противопоставлении идеального и материального. На протяжении тысячелетий вещь не была объектом исследования в социогуманитарных науках. Рассматривалось несколько модусов, в которых вещи выступали как:

- технические артефакты, способствующие облегчению и даже упрощению повседневной жизни людей (инструменты);
- элементы социального контекста, в котором осуществляется деятельность человека (интеракционизм И. Гофмана);
- материальная (социальная) инфраструктура, обуславливающая тип и особенности протекания социальных взаимодействий (марксизм) [10].

Обобщая вышесказанное, добавим, что реализация любого подхода в большинстве случаев приводила к вытеснению из сферы социального материальных объектов, которые «остаются невидимыми, асоциальными, маргинальными, не участвующими в конструировании общества» [11, с. 185]. Все реалии материальной культуры рассматривались исключительно в контексте их социальной значимости, в полном отрыве от их вещности. Сторонники *ANT* считают это в корне неправильным, поскольку многообразие духовной и материальной культуры они понимают как единое, в котором идеальное и материальное

характеризуются через социальную значимость и возможность их приложения к объяснению и интерпретации наблюдаемых в обществе процессов. Сторонники *ANT* руководствуются главным принципом: невозможно свести все реалии (процессы бытия) исключительно к социальным. Это определяет невозможность использования только идейных конструкторов и социальной материи, оправдывающих существование других феноменов по следующим причинам: «...В социальном порядке нет ничего специфического, нет никакого социального измерения, никакого “социального контекста”, никакой отдельной области реальности, которой можно было бы навесить этикетку “социальное” или “общество”; нет никакой “социальной силы”, которой можно было бы “объяснить” недоступные объяснению остаточные характеристики других областей» [10, с. 9; 12, с. 15]. Таким образом, традиционные социально-гуманитарные науки неспособны объяснить сущность материального, природного и технического, а интеллектуальные конструкторы неспособны выявить сущность вещного, объяснить и интерпретировать взаимодействие между вариативными объектами бытия, в котором идейное, материальное, техническое и природное существуют в тесной и неразрывной взаимосвязи. По мнению Д. В. Мальцевой, «сущности, исключенные из сферы изучения социальных наук на протяжении почти всей истории их развития — материальные, несоциальные, нечеловеческие акторы (*non-human actors*) — признаются в качестве полноценных акторов» [10, с. 11], что однозначно предопределяет открытость этой категории. Считаем позицию Мальцевой достаточно убедительной.

Достигая цели дефинировать «вещное», Л. Теньер вводит понятие «актант», содержание которого составляют «существа или предметы, участвующие в процессе в любом виде и в любой роли, пусть даже в качестве простых фигурантов или самым пассивным образом» [13, с. 103]. Отсюда ясно, что «вещное» как актант, помимо влияния на жизнедеятельность общества, является

необходимым условием формирования смысла, под которым понимается то, «что рождается в результате взаимодействия, необходимым элементом которого являются материальные объекты» [14, с. 24—25]. Иначе говоря, нет разницы между идеальным и материальным, между людьми и вещами: если и те, и другие выступают актантами, то все они наделяются действующей силой. В связи с этим В. С. Вахштайн пишет: «Этот обманный маневр (фокусировка на агентности вещей) скрыл под видом “поворота к материальному” куда более фундаментальный теоретический сдвиг: рядоположение материальных и нематериальных актантов» [15, с. 31].

Следовательно, особую актуальность для нас приобретает понимание следующих положений акторно-сетевой теории: необходимость включения материального в область социологических исследований, снятие антонимии между материальным и идеальным, рядоположенность предметов и идей в процессах формирования смыслов и значимость социального. Равнозначность понятий материального и идеального для формирования смыслов позволяет избежать однобокости в варьировании сущности социального, а также рассмотреть развитие этих феноменов не только под влиянием идей — интерпретировать материальное не только как воплощение идеального, но и как значимый актор его формирования. Обращая внимание на основные положения нашей концепции, подчеркиваем, что она не рассматривает социальное как совокупность гетерогенных объектов, а позволяет осознать всю полноту и вариативность акторов и по-новому взглянуть на сущность динамики исторического развития. Поскольку эта проблема нуждается в дальнейшем изучении, во второй части методологии к исследовательской программе предполагаем представить основные тезисы нашей концепции.

Литература

1. Равочкин Н. Н. Философские идеи как детерминанты социальных изменений // Социально-политические науки. 2018. № 6. С. 97—100.

2. **Красиков В. И.** Философия: потеря социологической девственности? // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2010. № 1 (9). С. 5—16.

3. **Балдистина Е. И.** Онтологические основания теории социальных изменений: детерминизм и индетерминизм социальной реальности // Вестник Ставропольского государственного университета. 2010. № 3. С. 165—171.

4. **Шевчук И. И.** О соотношении категорий социальной динамики // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2017. № 2 (51). С. 177—186.

5. **Steenbergen B. van.** The sociologist as social architect: A new task for macro-sociology? // Futures. 1983. Vol. 15. Issue 5. P. 376—386. [https://doi.org/10.1016/0016-3287\(83\)90051-4](https://doi.org/10.1016/0016-3287(83)90051-4)

6. **Равочкин Н. Н.** Необходимость социально-политической модернизации // Горизонты гуманитарного знания: электронный журнал МОСГУ [Электронный ресурс]. 2018. № 1. С. 37—44. URL: <http://journals.mosgu.ru/ggz/article/view/701> (дата обращения: 01.06.2019). <http://dx.doi.org/10.17805/ggz.2018.1.3>

7. **Валлерстайн И.** Миросистемный анализ. Введение / Пер. с англ. Н. В. Тюкиной; вступ. ст. и прил. Г. М. Дерлугьяна. 2-е изд., испр. М.: URSS, 2018. 300 с.

8. **Бязрова Д. Б.** Проблема прогресса в социальной философии XX века // Философия и общество. 1999. № 4. С. 110—122.

9. **Лафарг П.** Экономический детерминизм Карла Маркса: исследования о происхождении и развитии идей справедливости, добра, души и Бога / Пер. с фр. П. Э. Давыдовой; под ред. С. Швердина. Изд. 2-е, доп. М.: URSS: КомКнига, 2007. 329 с. (Размышляя о марксизме).

10. **Мальцева Д. В.** «Проект спасения социологии» в акторно-сетевой теории Б. Латура // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2014. № 6 (124). С. 3—14.

11. **Латур Б.** Об интеробъективности // Социология вещей: сб. ст. / Под ред. В. С. Вахштайна. М.: Территория будущего, 2006. С. 169—198.

12. **Латур Б.** Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию / Пер. с англ. И. Полонской. М.: Изд. дом Высш. шк. экономики, 2014. 381 с. (Социальная теория).

13. **Вахштайн В. С.** Возвращение материального. «Пространства», «сети», «поток» в акторно-сетевой теории // Социологическое обозрение. 2005. Т. 4 № 1. С. 94—115.

14. **Ерофеева М. А.** Акторно-сетевая теория и проблема социального действия // Социология власти. 2015. Т. 27 № 1. С. 17—36.

15. **Вахштайн В. С.** Пересборка города: между языком и пространством // Социология власти. 2014. № 2. С. 9—38.

государственного сельскохозяйственного института (Россия, 650056, Кемеровская обл., г. Кемерово, ул. Марковцева, д. 5), nickravochkin@mail.ru

References

1. Ravochkin N. N. Filosofskie idei kak determinanty sotsial'nykh izmenenii (Philosophical Ideas as Social Changes Determinants), *Sotsial'no-politicheskie nauki*, 2018, No. 6, pp. 97—100.

2. Krasikov V. I. Filosofiya: poterya sotsiologicheskoi devstvennosti? (Philosophy: The Loss of Sociological Virginity?), *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya*, 2010, No. 1 (9), pp. 5—16.

3. Balditsyna E. I. Ontologicheskie osnovaniya teorii sotsial'nykh izmenenii: determinizm i indeterminizm sotsial'noi real'nosti (Ontological Grounds of the Theory of Social Changes: Determinism and Indeterminism of Social Reality), *Vestnik Stavropol'skogo gosudarstvennogo universiteta*, 2010, No. 3, pp. 165—171.

4. Shevchuk I. I. O sootnoshenii kategorii sotsial'noi dinamiki (About the Ratio of Category of Social Dynamics), *Kaspiiskii region: politika, ekonomika, kul'tura*, 2017, No. 2 (51), pp. 177—186.

5. Steenbergen B. van. "The sociologist as social architect: A new task for macro-sociology?". *Futures*, 1983, vol. 15, issue 5, pp. 376—386, [https://doi.org/10.1016/0016-3287\(83\)90051-4](https://doi.org/10.1016/0016-3287(83)90051-4)

6. Ravochkin N. N. "Neobkhodimost' sotsial'no-politicheskoi modernizatsii" (Necessity of Socio-Political Modernization). *Gorizonty gumanitarnogo znaniya, elektronnyi zhurnal MOSGU* 1 (2018), pp. 37—44. Web. 1 June 2019. <<http://journals.mosgu.ru/ggz/article/view/701>> <http://dx.doi.org/10.17805/ggz.2018.1.3>

7. Vallerstain I. (Wallerstein I.). Mirosistemnyi analiz. Vvedenie (World-Systems Analysis: An Introduction), Per. s angl. N. V. Tyukinoi, vstup. st. i pril. G. M. Derlug'yana, 2-e izd., ispr., M., URSS, 2018, 300 p.

8. Byazrova D. B. Problema progressa v sotsial'noi filosofii XX veka (Problem of Progress in 20th Century Social Philosophy), *Filosofiya i obshchestvo*, 1999, No. 4, pp. 110—122.

9. Lafarg P. (Lafargue P.). Ekonomicheskii determinizm Karla Marksa: issledovaniya o proiskhozhdenii i razvitii idei spravedlivosti, dobra, dushi i Boga (Economic Determinism of Karl Marx: Inquiry into the Genesis of Ideas of Justice, Good, Soul, and God), Per. s fr. P. E. Davydovoi, pod red. S. Sheverдина, Izd. 2-e, dop., M., URSS, KomKniga, 2007, 329 p., Razmyshlyaya o marksizme.

10. Mal'tseva D. V. "Proekt spaseniya sotsiologii" v aktorno-setevoi teorii B. Latura (Sociology Salvation Project in Actor-Network Theory by B. Latour), *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*, 2014, No. 6 (124), pp. 3—14.

11. Latur B. (Latour B.) Ob interob'ektivnosti (On Interobjectivity), *Sotsiologiya veshchei*, sb. st., Pod red. V. S. Vakhshaina, M., Territoriya budushchego, 2006, pp. 169—198.

Поступила 13.07.2019

Равочкин Никита Николаевич — кандидат философских наук, доцент кафедры гуманитарно-правовых дисциплин Кемеровского

12. Latur B. (Latour B.) *Peresborka sotsial'nogo: vvedenie v aktarno-setevuyu teoriyu* (Reassembling the Social: Introduction to Actor-Network Theory), Per. s angl. I. Polonskoi, M., Izd. dom Vyssh. shk. ekonomiki, 2014, 381 p., Sotsial'naya teoriya.

13. Vakhshtain V. S. (Vakhshayn V. S.) *Vozvrashchenie material'nogo. "Prostranstva", "seti", "potoki" v aktarno-setevoi teorii* (The Return of Material: "Spaces", "Networks", "Flows" in Actor-Network Theory), *Sotsiologicheskoe obozrenie*, 2005, T. 4 No. 1, pp. 94—115.

14. Erofeeva M. A. *Aktorno-setevaya teoriya i problema sotsial'nogo deistviya* (Actor-Network Theory and Problem of Social Action), *Sotsiologiya vlasti*, 2015. T. 27 No. 1, pp. 17—36.

15. Vakhshtain V. S. (Vakhshayn V. S.) *Peresborka goroda: mezhdru yazykom i prostranstvom* (Reassembling the City: between Space and Speech), *Sotsiologiya vlasti*, 2014, No. 2, pp. 9—38

Submitted 13.07.2019

Ravochkin Nikita N., PhD in Philosophy, Associate Professor at Department of Humanitarian and Legal Disciplines, Kemerovo State Agricultural Institute (5, Markovtseva Street, Kemerovo, 650056, Russia),
nickravochkin@mail.ru